

Присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ Приамурья, Сахалина и Уссурийскаго края.

ГЛАВА I.

Первыя вѣсти объ Амурѣ.—Экспедиція Пояркова и рекогносцировка Квашнина.— Походъ Хабарова.—Основаніе Албазина.—Притязаніе якутскаго воеводства на подданство всего Китая.—Номекъ Хабарова по Амuru и основаніе временныхъ становищъ.—Жестокое обращеніе съ даурами.—Ачанскій острогъ и его осада.—Отправка изъ Москвы на Амуръ дворянина Зинovieва и удаленіе Хабарова.—Краткая характеристика дѣятельности послѣдняго.—Олефирій Степановъ.—Его разбойническіе подвиги. Поискъ по Сунгари.—Кумарскій острогъ и его оборона.—Переселеніе дауръ въ Маньчжурію.—Ксаулъ Краскояръ.—Посольство въ Китай Байкова.—Гибель Степанова и оставленіе русскими Амuru.—Никифоръ Черлиговскій. Возобновленіе Албазина и первая его осада.—Разгромъ Албазина и вторичное его возобновленіе.—Полковникъ Бейтсъ.—Доблестная 11-мѣсячная оборона Албазина.—Посольство околыничка Головина.—Его дѣятельность въ Забайкальѣ.—Стащъ на Шанькѣ и прибытіе китайскихъ уполномоченныхъ.—Переговоры.—Нерчинскій трактатъ.—Попытка выясненія существа установленныхъ имъ договорныхъ пунктовъ.—Дальнѣйшія отношенія Россіи съ Китаемъ въ XVII—XVIII вѣкахъ.—Посольство Рагузинскаго и Буринскій договоръ.

Съ первыхъ годовъ XVII вѣка безостановочно и упорно двигалась сибирская вольница на востокъ. Русское правительство основывало въ тылу этого движенія города и насаждало въ нихъ воеводъ. Казачество появилось на Енисей въ 1600 году, на Вилюѣ въ 1620 году, на Ульѣ (нѣсколько южнѣе нынѣшняго Охотска) въ 1639 году, на Индигиркѣ и Колымѣ въ сороковыхъ годахъ того же столѣтія. Въ 1604 году была основана городъ Томскъ, въ 1618 —

Енисейскъ, въ 1632—Якутскъ. Но движеніе это совершалось по суровой странѣ къ сѣверу отъ Станового хребта, по странѣ богатой лишь рыбою да пушшиною и вовсе лишенной продуктовъ земледѣлія. Только на крайнемъ востокѣ казаки перевалили черезъ Становой хребетъ на рѣку Улью, но и тамъ природа оказалась не болѣе благопріятной. Провіантъ приходилось возить за собою, пополнять запасы его изъ за тысячъ верстъ, а перѣдко и голодать, ибо безъ хлѣба русскому человѣку всегда голодно. Естественно, помыслы нашей вольницы неодолимо обращались на югъ и постепенно остановились на рѣкѣ Амурѣ.

Смутные слухи о Пріамурьѣ, какъ о землѣ, изобилующей плодами земными, шелкомъ, лучшими въ мірѣ соболями, золотомъ и серебромъ, впервые дошли до сибирскихъ начальныхъ людей въ 1636 году. Три года спустя, наши казаки, основавшіе ясачное зимовье на р. Ульѣ, получили отъ тунгусовъ уже болѣе точныя свѣдѣнія о невѣдомой странѣ: они узнали о существованіи большой рѣки Зеи, притока еще большей рѣки, носившей тогда три названія—Хэй-лунь-цзяпъ (по-китайски: рѣка Чернаго Дракона), Сахалыпъ-ула (по-маньчжурски: Черная рѣка) и Хара-мурень (по-монгольски: тоже Черная рѣка); узнали, что Черная рѣка, т. е. Амуръ въ свою очередь впадаетъ въ великую рѣку Шунгалъ, Сунгаритожь, и что послѣдняя рѣка изливается въ Великій океанъ. Почти въ то же время казаки съ Витима (соболи промышленники) собрали кое какія извѣстія о верховьяхъ Амура, о возможности проникнуть туда по берущему начало изъ Станового хребта притоку Лены—Алдану, по притокамъ послѣдняго и волокомъ черезъ хребетъ, о населяющихъ верховья Амура даурахъ, весьма богатыхъ хлѣбомъ и рогатымъ скотомъ и находящихся подъ властью князя Левкоя (Ладкая), имѣющаго резиденцію на устьѣ р. Урен. Эти свѣдѣнія были въ общемъ вѣрны. Дѣйствительно, районъ, нынѣ занятый Амурскою областью, былъ тогда населенъ довольно густо осѣдлыми и зажиточными даурами, съ успѣхомъ занимавшимися земледѣліемъ и скотоводствомъ и управлявшимися самостоятельными князьками—Ладкасмъ, Шингидеемъ, Албазой и другими; князьки ни отъ кого не зависѣли и никому даны не платили. Тѣ же свѣдѣнія, дошедшія въ серединѣ XVII вѣка до якутскаго воеводы Головина, послужили основаніемъ для организаціи нашей первой экспедиціи на Амуръ.

Первая экспедиція на Амуръ была снаряжена въ путь Головинымъ въ 1643 году. Въ ея составъ вошло около 130 казаковъ и

промышленниковъ, а предводителемъ былъ назначенъ казакъ Поярковъ.

Поярковъ вышелъ изъ Якутска 13-го іюля и держалъ свой путь вначалѣ внизъ по Ленѣ, а затѣмъ вверхъ по Алдану, Учтуру и Гоному. Плаваніе по послѣдней рѣкѣ, быстрой, порожистой и изобилующей перекатами, оказалось въ высшей степени тяжелымъ; путниковъ застигла на ней зима, и пришлось основать въ пустыннѣ зимовье. Но Пояркову не терѣлось: не дожидаясь весны, онъ, во главѣ 90 человѣкъ, покинулъ зимовье, направился сухимъ путемъ къ Становому хребту, перевалилъ черезъ него и вскорѣ достигъ верховьевъ Бранты—притока Зеи. Далѣе двинулись внизъ по Брантѣ, а затѣмъ по Зеѣ, крѣпко скованной ледянымъ покровомъ, по пути вступая въ сношенія съ тунгусами, обитавшими на сѣверной окраинѣ древней Дауріи. Тунгусы встрѣчали нашихъ дружески, одаривали ихъ съѣстными припасами и продуктами охоты, что не помѣшало, однако, осторожному Пояркову забирать отъ нихъ на всякій случай «аманатовъ» (заложниковъ). Такъ до устья р. Умыкана (Уркуна?), до границы владѣній осѣдлыхъ даурь, и тутъ рѣшили пока что обосноваться и устроить зимовье, неподалеку отъ даурскаго острога Молдикичида.

Источники не поясняютъ основной причины такой остановки. Повидимому она крылась въ осторожности и въ недоувѣренности къ даурамъ. По крайней мѣрѣ, она длилась до тѣхъ поръ, пока жизненные припасы казаковъ не оказались на исходѣ и пока не пришлось искать источника пропитанія. Тогда послѣдовало рѣшеніе: Юнкѣ Петрову идти съ пятьюдесятью казаками на Молдикичидъ, взять острогъ этотъ штурмомъ и забрать у даурь все наличные запасы. Однако военные планы Пояркова оказались излишними: даурскіе старшины, провѣдавъ о движеніи вооруженнаго отряда, сами вышли навстрѣчу Петрову и поднесли ему въ даръ 10 быковъ и 40 коробовъ овсяной муки. Видя такую предупредительность и объясняя ее испугомъ и робостью, Петровъ зарвался: небрежно принявъ дары, онъ потребовалъ немедленной сдачи даурскаго острога. Удивленные и вѣроятно достаточно возмущенные, дауры взяли тогда за оружіе, и произошелъ бой, завершившійся полнымъ пораженіемъ казаковъ, оставившихъ на мѣстѣ 10 человекъ убитыми. Прочіе 40 человѣкъ, въ большинствѣ израненые, бѣжали въ своему зимовью.

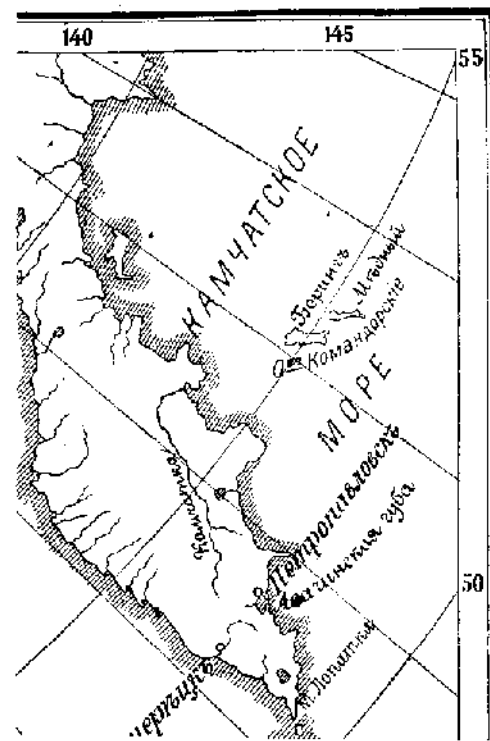
Сурово встрѣтилъ бѣглецовъ Поярковъ: объявивъ имъ, что «трусость» ему кормить нечѣмъ, онъ предложилъ неудачникамъ

идти, куда хотятъ, и безъ дальнѣйшихъ разсужденій вырвали ихъ изъ зимовья. Прогнанные отправились старою дорогою обратно къ Якутску, но дошли до этого города только немногие; большинство замерло въ пути.

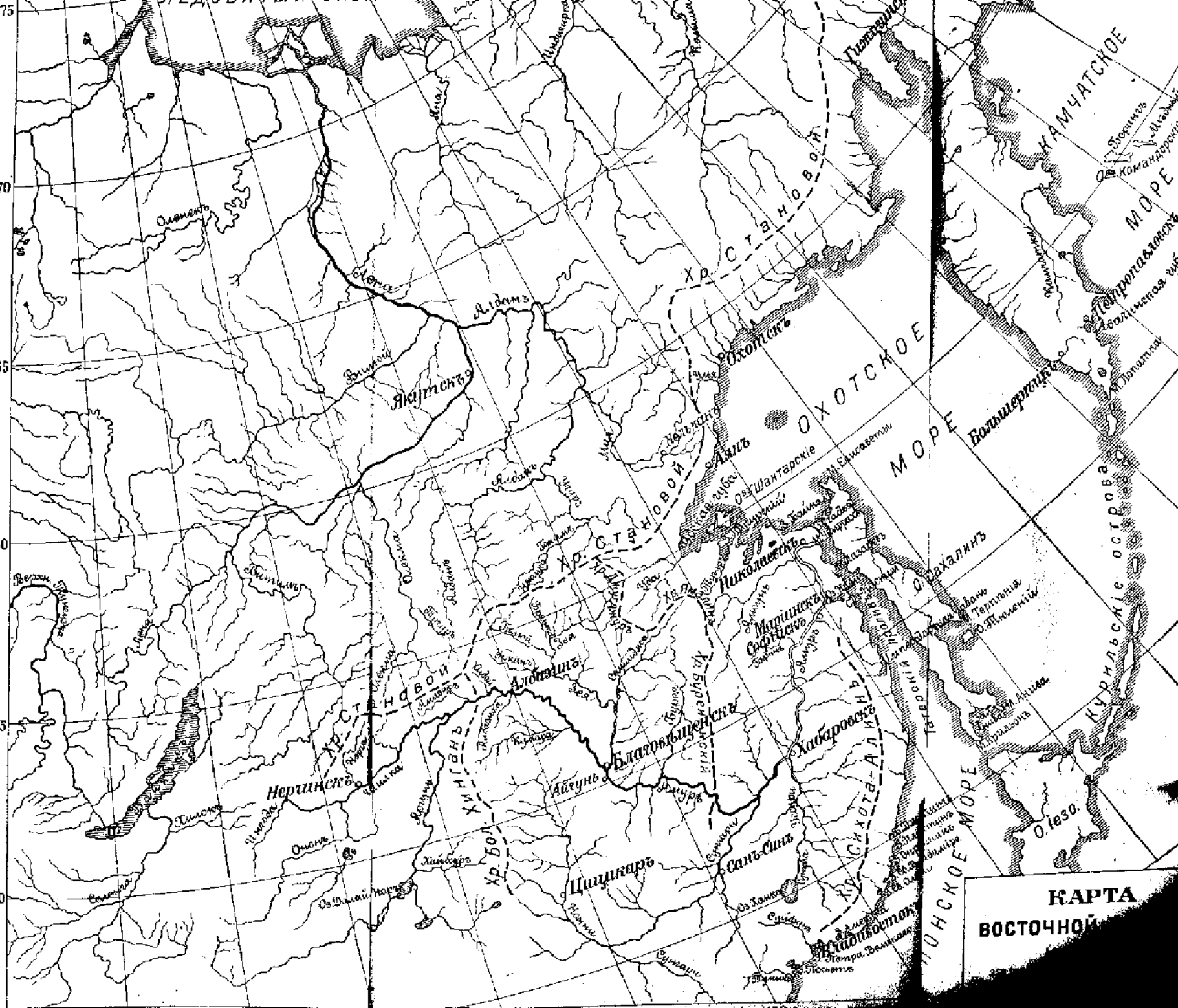
Подобное отношеніе Поляркова къ сотоварищамъ, при всей его суровости, имѣетъ, однако, нѣкоторое оправданіе: въ дѣйствительности у него продовольствія было крайне мало; даже оставшіеся въ зимовьѣ люди питались древесною корою съ небольшою примѣсью муки. Судьба всей экспедиціи повисла на волоскѣ; но выручилъ казакъ Мининъ, присоединившійся къ Поляркову весной 1644 года съ людьми и запасами, оставленными въ резервъ за Становымъ хребтомъ, на Гономѣ. Наскоро и кое какъ сколотить изъ подручнаго матеріала убогіе челны, казаки съ Полярковымъ, тотчасъ послѣ весенняго ледохода, поплыли внизъ по Зеѣ, достигли устья ея и, надо полагать избѣгая новыхъ стычекъ съ даурами, двинулись не въ ихъ страну, являющуюся основною цѣлью экспедиціи, а въ противоположную сторону — на востокъ. Задержались было на устьѣ Сунгари, выслали на развѣдку въ самую рѣку партію въ 25 человекъ, но и тутъ не въ добрый часъ: прибрежные жители перерѣзали на ночлегѣ почти всѣхъ развѣдчиковъ; вернулись къ Поляркову лишь двое. Поплыли опять внизъ по рѣкѣ и дошли до устья Амура, гдѣ устроили новое зимовье.

Въ зимовьѣ на устьѣ Амура нашимъ повезло: мѣстные жители-гиляки — не только дружественно встрѣтили пришельцевъ и охотно подѣлились съ ними своими запасами рыбы и дичи, но и добродушно признали надъ собою власть московскаго царя, при чемъ свое подданство подтвердили уплатою Поляркову обильнаго ясака прекрасными соборами.

Обосновываться въ краяхъ новыхъ русскихъ подданныхъ Полярковъ не имѣлъ, однако, намѣренія. Построивъ за зиму нѣсколько судовъ для морскаго плаванія, весь отрядъ вышелъ въ началѣ лѣта изъ Амура въ море и направился на сѣверъ. Впрочемъ, опредѣленнаго бурса держать не пришлось: и суда были изъ рукъ вонъ плохими, и мореходы оказались вовсе слабыми. Болѣе 12 недѣль носило казаконъ по бурнымъ волнамъ Охотскаго моря, и лишь къ осси выкинуло ихъ на берегъ неподалеку отъ устья Ульи. Тутъ Полярковъ перезимовалъ, поставилъ острожекъ, оставилъ въ немъ 20 человекъ, а самъ направился сухимъ путемъ къ верховьямъ Маи, гдѣ построилъ судно и оттуда, воднымъ путемъ по Маѣ, Аддану и Ленѣ, вернулся въ Якутскъ въ 1646 году.

75
70
65
60
55
50

КАРТА
ВОСТОЧНОЙ

Подводя итоги результатамъ нашей первой экспедиціи на Амуръ, приходится отмѣтить, что ея значеніе исчерпывается поверхностной рекогноспровкой Приамурья и то въ частяхъ его наименѣе въ то время заманчивыхъ. Богатая Даурія по прежнему осталась неизвѣданной страной и осталась таковою по видѣ самихъ развѣдчиковъ, грубо отстранившихъ проявленіе благожелательства со стороны туземцевъ. Номинальный приводъ «подъ высокодержавную руку московскаго царя» гиляковъ устья Амура—фикція. Сборъ съ нихъ ясака—случайный барышъ, барышъ безъ всякихъ послѣдствій. Прочный слѣдъ въ исторіи края экспедиція Пояркова оставила только въ одномъ отношеніи: съ тѣхъ поръ рѣка Чернаго Дракона и нижнее теченіе Шунгала стали именоваться у насъ рѣкою Амуромъ; русская географія разошлась съ географіей желтыхъ, по которой въ море впадаетъ Сунгари. Нѣкоторые изслѣдователи амурской старины утверждаютъ, что самое названіе Амуръ рѣкѣ далъ Поярковъ.

Не болѣе существенными результатами закончилась и рекогноспровка Ивана Квашнина, произведенная вслѣдъ за экспедиціей Пояркова въ направленіи къ верховьямъ Амура. Этотъ развѣдчикъ, принадлежа къ партіи промышленниковъ, обосновавшихся въ крайнихъ верховьяхъ Олекмы и Тунгира и производившихъ мѣновой пушной торгъ съ тунгусами и манеграми, проткнулъ съ тремя тунгусами къ Амазару и Амуру и распространилъ по Дауріи слухъ, будто за нимъ идетъ сильное русское войско покорять непокорныхъ. Но это и все, что о немъ извѣстно ¹⁾.

Между тѣмъ, слухи о роскошной природѣ и о богатствѣ Приамурья крѣпли все болѣе и смущали не мало народа изъ среды якутской польницы. Недоставало только энергичнаго организатора новаго похода, и такимъ явился извѣстный Хабаровъ, выходецъ изъ Великаго Устюга.

Въ мартѣ 1648 года, Ерофей Павловичъ Хабаровъ подалъ челобитную якутскому воеводѣ Францбекову, прося разрешенія набрать въ воеводство съ полторы сотни охочихъ людей и идти съ ними на Шилку и верховья Амура—покорять «захребетныхъ государевыхъ

¹⁾ «Акты Историческіе, собраныя и изданныя археографическою комисіею»: Дополненіе, т. III, стр. 103-104; А. Миддендорфъ «Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибіря», Сиб. 1860 г., ч. I, стр. 139-141; «Исторія р. Амура», Сиб. 1859 г., стр. 5, 14, 25-34 и 36; Назаровъ «Матеріалы для военно-статистическаго описанія Приамур. воен. окр.» (Сборн. Воен.-Учен. Ком., вып. XXXI), стр. 20 и 24; Бартоломей «Описаніе Амурскаго края» («Воен. Сборн.» 1860 г. № 8), стр. 289 и 290.

непослушниковъ»; весь отрядъ Хабаровъ обязался снабдить оружіемъ и необходимымъ продовольствіемъ за свой собственный счетъ. Челобитная его была уважена, но не безъ оговорокъ. По свѣжей памяти о безрезультатной экспедиціи Пояркова, якутскій воевода указалъ Хабарову на жадность привода туземныхъ племенъ въ русское подданство «не боемъ, а ласкою», на соотвѣтственность обложенія ясакомъ лишь инородцевъ, еще никому такого не платящихъ, и на необходимость поступать вообще ему, Хабарову, во всемъ «осмотрительно и благоразумно, чтобы государю было прочно и состоятельно, а покореннымъ не въ тягость». О такомъ своемъ распоряженіи Францбековъ донесъ и въ Москву.

Хабаровъ выступилъ въ походъ весною 1649 года. Въ его отрядѣ было только 70 охотниковъ. Путь держали плавный, по Ленѣ и Олекмѣ. Насколько легко было идти по первой рѣкѣ, на столько же тяжелымъ оказалось плаваніе по Олекмѣ; въ особенности въ ея верховьяхъ: стремительное теченіе и множество опасныхъ пороговъ задерживали путниковъ на каждомъ шагу; къ устью Тунгира добрались только поздно осенью. Переложивъ кладъ на салазки и выждавъ ледостава, далѣе пошли по льду Тунгира, перевалили черезъ Становой хребетъ и вышли въ 1650 году къ Амуру выше р. Урки. Ни мало не медля, двинулись внизъ по Амуру и вскорѣ увидѣли на лѣвомъ берегу рѣки укрѣпленный даурскій городокъ, оказавшійся, однако, безлюднымъ. Городокъ этотъ, подобно всемъ даурскимъ крѣпостямъ, представлялъ собою сомкнутое земляное укрѣпленіе, состоявшее изъ сажennaго вала и такой же глубины наружнаго рва; внутри укрѣпленія стояли крѣпкіе бревенчатые срубы съ башнями, представлявшіе собою редюитъ городка.

Безлюдность даурской крѣпости не мало удивила Хабарова; но онъ не задержался въ ней и пошелъ далѣе. Вскорѣ подошли къ другому городку—пустъ какъ и первый. Не нашли ни одной живой души и въ третьей крѣпостцѣ. Тутъ и рѣшили стать временнымъ станомъ.

Черезъ нѣсколько дней явился въ городокъ одинъ изъ даурскихъ князей, и непонятное явленіе объяснилось: дауры, надо думать, памятуя разгромъ отряда Юпки Петрова и устрешенные угрозою Квапина о движеніи на нихъ сильной русской рати, разбѣжались съ мѣсто своей осѣлости и укрылись въ дебряхъ невѣдомаго нашимъ края. Думалъ Хабаровъ задержать князя въ качествѣ аманата, да не удалось: онъ ускользнулъ отъ казаковъ и скрылся.

Пошли наши далѣе—по прежнему пустые городки, не только безлюдные, но и начисто обобранные, безъ какихъ либо запасовъ. А такъ какъ въ первомъ изъ открытыхъ городковъ казаки нашли довольно значительные склады хлѣба, зарытого въ землю, то Хабаровъ и рѣшилъ возвратиться къ пункту первоначальнаго своего выхода на Амуръ, въ ближайшія окрестности устья Урки. Тутъ отрядъ устроился относительно удобно, и тутъ рѣшено было выжидать дальнѣйшихъ событій.

Между тѣмъ, даурскій князь, побывавшій въ гостяхъ у Хабарова и ловко увильнувшій отъ неприятной роли заложника, повѣдалъ своимъ сородичамъ, что русская сила—просто горсть удалцовъ, страшиться которой не приходится. Дауры стали сосредоточиваться по близости отъ Урки, и уркинскому городку съ минуты на минуту грозила опасность нападенія. Убѣдившись въ послѣднемъ и, надо думать, разсуждая, что въ крѣпостцѣ можно еще отбиться отъ преобладающаго по численности врага, тогда какъ приступать къ активнымъ операціямъ въ такомъ малолюдствѣ прямо безразсудно, Хабаровъ покинулъ своихъ и направился самолично въ Якутскъ за подкрѣпленіемъ.

Прибывъ въ областной городъ, Хабаровъ освѣдомилъ воеводу о положеніи вещей на Амурѣ и выразилъ мнѣніе, что для покоренія Дауріи необходимо до шести тысячъ организованнаго войска. Такой силы нельзя было набрать въ то время и со всей Сибири; съ другой же стороны, нельзя было бросить на произволъ судьбы и нашихъ уркинскихъ сидѣльцевъ. Францбековъ далъ Хабарову 21 стрѣльца, 2 пушки, приличные запасы пороха и свинца, разрѣшилъ ему вновь набрать охотниковъ и порекомендовалъ ему не задерживаться подъ Якутскомъ.

Набравъ 117 человекъ вольницы, Хабаровъ прежнимъ путемъ двинулся на Амуръ, но прибылъ на выручку къ товарищамъ только осенью 1651 года. Все же помощь не оказалась запоздалой: уркинцы благополучно сидѣли въ своемъ городкѣ, благополучно, но не безмятежно. Ихъ осаждали дауры упорно и штурмовали многократно; но всѣ атаки тысячъ были мужественно отбиваемы десятками. Къ сожалѣнію, источники умалчиваютъ о подробностяхъ этой славной обороны.

Подходъ выручки, да еще съ пушками—страшнымъ и новымъ для дауръ боевымъ средствомъ, побудилъ послѣднихъ бросить всякія притязанія на уркинскій городокъ и запереться въ своихъ крѣпостцахъ. Не теряя времени, Хабаровъ двинулся на ближній горо-

докъ даурскаго князя Албазы, на крѣпостицу, лежащую на лѣвомъ берегу Амура, въ 234 верстахъ отъ слиянія Шилки съ Аргунью, насупротивъ рѣчки, прозванной казаками Албазихою — праваго притока Амура. Городокъ былъ ваятъ съ палата, много даурь перебили, остальные бѣжали внизъ по рѣкѣ. Побѣдителямъ достались обильные запасы хлѣба, найденные въ крѣпостицѣ, да казаки, пустившіеся на стругахъ внизъ по Амуру за бѣжавшими даурами, захватили и привезли Хабарову 117 головъ рогатаго скота. За позднимъ временемъ года, наши рѣшили зимовать въ покоренномъ городкѣ; его подновили, понастроили домовъ и службъ. Такъ родился впоследствии знаменитый *Албазинъ*.

Зимою Хабаровъ осведомился, будто дауры, устрешенные отъ вагою русскихъ и ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, почти сплошь очистили свою страну и ушли за Амуръ въ подданство къ таинственнымъ для нашихъ владѣтелямъ: царю Шамшакану и къ князю Богдою. Онъ сообщилъ объ этомъ въ Якутскъ. И вотъ отъ воеводы послѣдняго идутъ къ названнымъ лицамъ двѣ грозныя грамоты съ требованіемъ вступить имъ обоимъ немедленно въ подданство московскаго царя и съ угрозою двинуть на нихъ въ противномъ случаѣ рать Хабарова. Лишь впоследствии выяснилось, что царь Шамшаканъ и князь Богдой — одно лицо, именно китайскій богдыханъ. Францбековъ требовалъ подданства Китайской имперіи и хотѣлъ завоевать эту величайшую, достаточно вознотвещую и въ то время по совѣмъ отсталую въ военномъ отношеніи державу десятками головорѣзовъ.

Наступила весна 1652 года. Наши албазинцы занялись частью заготовкою судовъ, частью обработкою и засѣвомъ земли. Въ послѣднемъ дѣлѣ имъ помогали новыя выходцы изъ Сибири, въ большинствѣ мирные хлѣбопашцы. Мало-по-малу, въ окрестностяхъ Албазина возникли русскіе поселки, даже слободы. Изъ Якутска же пошла къ московскому царю челобитная о направленіи подъ Албазинъ осельныхъ для занятія рыболовствомъ и земледѣліемъ.

Между тѣмъ, въ іюнѣ 1652 года, Хабаровъ съ частью своего отряда пустился на судахъ внизъ по Амуру. Поначалу всѣ прибрежные даурскіе городки обаялись грустными пепелищами; ихъ сожгли сами дауры, фактически покинувшіе ближайшіе къ Албазину берега Амура. Но не всѣ аборигены страны ушли изъ районовъ своей осѣлости: нѣсколько ниже по рѣкѣ они оказались на старихъ мѣстахъ.

Трудно выяснитъ, почему Хабаровъ дѣйствовалъ такъ, а не иначе. Не съ вѣткою мира подплывалъ онъ къ даурскимъ селеніямъ. Грономъ выстрѣловъ сопровождалось его появленіе всюду. Непрестанные бои слѣдовали одинъ за другимъ и заканчивались непрерывными побѣдами надъ народомъ, встрѣтившимъ впервые русскихъ съ хлѣбомъ-солью (при Поярковѣ); побѣжденные предавались повальному бѣгству, куда глаза глядятъ. Была ли то безбрежная удаля разбойничьей по существу природы атамана, были ли къ тому причины неизбѣжныя — источники умалчиваютъ. Во всякомъ случаѣ, первоначальная политика Хабарова — сметеніе съ лица земли туземнаго осѣдлаго и трудолюбиваго населенія — мало помогла русскому дѣлу на Амурѣ, скорѣе пролила первые капли того яда, который, войдя въ обиходъ дальнѣйшихъ подвиговъ нашей воляницы, вконецъ стубилъ самое дѣло.

Доплывъ до Зеи, Хабаровъ временно какъ будто измѣнилъ своей тактикѣ. Онъ привелъ было нѣсколькихъ даурскихъ князей въ русское подданство, взялъ отъ нихъ заложниковъ и поначалу обращался съ ними милостиво. Но это продолжалось не долго. Вскорѣ, якобы съ цѣлью развѣдки, заложниковъ начали пытать; для показанія своего могущества князей всячески унижали. Одинъ изъ послѣднихъ не выдержалъ такого обращенія и зарѣзался на глазахъ у Хабарова. И вотъ, новыя русскіе подданные послѣдовали примѣру своихъ сородичей съ верховьевъ Амура: и тутъ началось повальное бѣгство, куда глаза глядятъ. Бѣглецы предупреждали еще нетронутые улусы о грозномъ шествіи грабителей, и такая оцѣпка нашихъ казаковъ не грѣшила противъ истины: отъ устья Зеи до устья Сунгари всѣ даурскіе поселки были начисто разграблены дружиною Хабарова.

Минувъ Сунгари уже поздною осенью, Хабаровъ остановился на зимовку по близости отъ устья Усури. Высадившись на берегъ, казаки устроили временное становище — крѣпкій городокъ съ башнями, вооруженными пушками. Мѣстные инородцы, ачаны, изъявили нашимъ покорность и безропотно уплатили ясаъ. Поступали ли они при этомъ лицемерно, или послѣдующее отношеніе казаковъ къ туземцамъ возстановило ихъ противъ нашихъ, но только дружество поддерживалось до перваго подходящаго случая. Какъ только Хабаровъ отправилъ часть своихъ людей внизъ по Амуру на промыселъ за рыбою, ачаны, пользуясь раздѣленіемъ силъ припелыцевъ и незаметно сосредоточившись въ значительномъ количествѣ, произвели на крѣпостицу ожесточенное и пожи-

данное нападеніе. Однако, попытка овладѣть ачанскимъ городкомъ имъ не удалось: ихъ встрѣтили ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ, быстро смѣшавшимъ ряды атакующихъ; вылазка семидесяти казаковъ закончила дѣло, и инородцы бѣжали въ разсыпную.

Между тѣмъ, ходившіе на рыбалку казаки вернулись въ ачанскій городокъ благополучно, и всѣ принялись за усовершенствованіе своей крѣпости. Мѣра эта оказалось далеко не лишней. Манчжуры, прослышавшіе про подвиги Хабарова на Амурѣ, рѣшили расправиться съ нимъ, и 24-го марта 1653 года подъ ачанскій городокъ подошло съ Сунгари регулярное «войско царя Шамшакана» численностью въ двѣ тысячи человекъ, при 8 пушкахъ и при 30 «пщалахъ скорострѣльныхъ», каждая о четырехъ стволахъ съ фитильными запалами. Къ новому врагу казаковъ присоединился и врагъ старый — толпа вооруженныхъ ачанъ. Манчжуры приступили къ осадѣ крѣпости не безъ запяія военнаго дѣла и не безъ извѣстной ея стематичности. Пушечнымъ огнемъ они пробивали вскорѣ въ оградѣ брешь, а затѣмъ расширили ее и обратили въ удобную для штурма при помощи «пинардъ» — глиняныхъ горшковъ, снаряженныхъ пудовыми зарядами пороху, при помощи снарядовъ, вполнѣ подобныхъ польскимъ пинардамъ, которыми пользовались ляхи въ 1609—1610 гг. подъ Смоленскомъ. Положеніе обороны стало совсѣмъ сквернымъ; но удалцы Хабарова рѣшились на отчаянную ставку и — выиграли. Не дождавшись штурма, они сами устремились на подавляющаго по численности врага, дерзновенностью своею привели его въ замѣшательство, замѣшательство быстро перешло въ панику, а бой — въ простую рѣзню во время которой наши рубили и кололи, а желтые лишь просили о пощадѣ. Враговъ уложили на мѣстѣ 676 человекъ; наши потеряли 10 убитыми и 78 ранеными. Побѣдителямъ достались богатые трофеи: 2 желѣзные пушки, нѣсколько пщалей, 630 коней и большіе запасы боевыхъ и жизненныхъ припасовъ.

Послѣ ухода манчжуръ, Хабаровъ, не рѣшаясь ни продолжать поиска по Амуру изъ за опасенія въ отсутствіи хлѣба близъ устьевъ рѣки, ни оставаться на мѣстѣ въ виду возможности появленія новыхъ силъ непріятеля изъ Манчжуріи, почелъ за благо покинуть ачанскій городокъ и вернуться къ Албазину, куда и направился въ апрѣлѣ 1653 года. Суда тащили вверхъ по теченію бечевою. На пути встрѣтили подкрѣпленіе, высланное изъ Якутска, и такое усиленіе отряда повліяло на измѣненіе первоначальнаго плана: рѣшили обосноваться у устья Зеи и построить здѣсь крѣп-

кій городъ. Но предполагаемыя тяжелыя работы, частью именно по тяжести ихъ, а частью по относительной безцѣльности, не прилились по вкусу соратникамъ Хабарова. Въ его отрядѣ возникъ на этой почвѣ жестокой бунтъ, завершившійся уходомъ отъ Хабарова 136 казаковъ со Степаномъ Поляковымъ. Само сабою разумѣется, пайка Полякова имѣла въ виду одну и при томъ совершенно опредѣленную цѣль: она ушла на грабежъ оставшихся на Амурѣ дауръ и инородцевъ, ушла творить дѣла, первый примѣръ которымъ подалъ самъ Хабаровъ.

Тѣмъ временемъ, о событіяхъ на Амурѣ провѣдали въ Москвѣ, снарядили въ путь дворянина Дмитрія Зиновьева и поручили ему, во первыхъ, подкрѣпить Хабарова отрядомъ въ 750 человекъ и боевыми припасами, во вторыхъ, упорядочить дѣло водворенія русскаго владычества въ новой странѣ и въ третьихъ, принять рядъ подготовительныхъ мѣръ, клонившихся къ образованію соотвѣтственной базы для регулярнаго амурскаго войска, какъ залога прочности обладанія краемъ. Такое войско, численностью въ 3,000 человекъ, тогда предполагали послать изъ Россіи съ княземъ Лобановымъ Ростовскимъ при первой возможности.

Прибывъ къ устью Зеи въ августѣ 1653 года, Зиновьевъ, для достиженія главной цѣли своей командировки — организациі на Амурѣ военной базы — сталъ настойчиво требовать, чтобы Хабаровъ немедленно распорядился какъ приступомъ къ работамъ по устройству прочныхъ опорныхъ пунктовъ по крайней мѣрѣ въ трехъ наиболѣе удобныхъ мѣстахъ, такъ и организацией у этихъ пунктовъ хлѣбопашества, огородничества, скотоводства, рыболовства и проч. Однако, испытавъ уже на практикѣ отношеніе своей вольницы къ такимъ занятіямъ, чреватыхъ трудомъ и отсутствіемъ легкой наживы, будучи и самъ по натурѣ скорѣе разбойникомъ, чѣмъ созидателемъ, Хабаровъ вступилъ съ Зиновьевымъ въ пререканія. Но и отказываясь исполнять распоряженія Зиновьева, онъ все же относился къ нему вполнѣ почтительно, какъ къ царскому посланцу, не только не отваживаясь на крутое съ нимъ общеніе, но даже не противодействию проявленію со стороны Зиновьева далеко не царскихъ приемовъ. Зиновьевъ «дралъ его за бороду, называлъ похитителемъ казны» и кончилъ тѣмъ, что приказалъ Хабарову слѣдовать за нимъ, Зиновьевымъ, въ Москву.

Хабаровъ покорился, расстался со своею дружиною и пустился въ путь. Въ Москвѣ его обласкали, дали званіе «сына боярскаго» и назначили государевымъ приказчикомъ на Лену. О дальнѣйшей

судьбѣ этого, во всякомъ случаѣ незауряднаго человѣка, свѣдѣній не найдено.

У насъ имя Хабарова извѣстно всѣмъ и каждому, и съ именемъ этимъ обычно связываютъ представленіе о мужѣ храбромъ, разумномъ и достойномъ, о великомъ патріотѣ съ большими заслугами передъ отечествомъ. Въ храбрости и природномъ умѣ ему отказать никакъ нельзя. Но былъ ли онъ дѣйствительно великимъ патріотомъ и человѣкомъ государственнаго разума? Принесъ ли онъ отечеству сильную и достаточную дозу пользы? Въ этомъ позволено и усомниться.

Извѣстный сибирскій исторіографъ — Словцовъ неспадно развѣчиваетъ Хабарова. Я не рѣшаюсь приводить всѣхъ его соображеній, но вотъ ихъ сущность.

Что сдѣлалъ Хабаровъ? задается вопросомъ Словцовъ и отвѣчаетъ: увелъ изъ якутскаго края, изъ новыхъ русскихъ владѣній, такъ нуждавшихся въ энергичныхъ людяхъ и столь малолюдныхъ, свыше 250 человекъ, а соблазнилъ журавлемъ въ небѣ и до полутора тысячъ. И всѣ они погибли! Безцѣльными и отмѣнными жестокостями, онъ приумножилъ вѣрныхъ подданныхъ витайскаго богдыхана и обратилъ въ таковыхъ племена, никогда не тяготѣвшія къ Китаю. Его дѣйствія на Амурѣ, чуждыя какой либо системы, его заботы по укрѣпленію тѣхъ или другихъ пунктовъ на зиму для того, чтобы бросать ихъ весной на произволъ судьбы, его «безмѣстныя шатанія» — это не завладѣніе страной, а сплошное и печальное недоразумѣніе. Эпизодъ отбытія Хабарова съ Амуре въ Москву Словцовъ сопровождаетъ умозаключеніемъ: «Хабаровъ разстается съ Амуромъ, по которому пустилъ полымя, и счастливъ, что не зажигателю довелось тушить пожаръ».

Есть много горькой правды въ сужденіяхъ почтеннаго историка ¹⁾).

Послѣ отъѣзда въ Москву Хабарова, на Амурѣ остался «за старшого» Онофрій Степановъ, получившій отъ Зиновьева крѣпкій наказъ соорудить прочныя остроги въ Албазинѣ, на устьѣ Урки и на устьѣ Зеи и заготовить въ первомъ изъ названныхъ пунктовъ запасъ провіанта на войско въ 5,000 человекъ. Но Сте-

¹⁾ «Акты Историч.», т. IV, стр. 67 — 75; «Исторія р. Амуре», стр. 40 — 67; Словцовъ «Историческое обозрѣніе Сибири», Москва 1838 г., стр. 88 и 100; «Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ востоке Россіи 1849—1855 гг.», посмертныя записки адмирала Невельскаго, Сиб. 1896 г., стр. 5—10; Миддендорфъ, ч. I, стр. 141—143; С. Максимовъ «на Амурѣ» («Морск. Сборн.» 1861 г. № 5), стр. 16.

пановъ, разсуждая, что съ даурами мирно жить нельзя, а слѣдуетъ драться, что преслѣдовать одновременно двѣ цѣли невозможно, что надо «либо драться, либо остроги строить», — избралъ другую стратегію. Онъ не замедлилъ организовать большой набѣгъ на даурскіе улусы, чтобы дограбить недограбленное, а, выполнивъ эту операцію, двинулся въ маѣ 1654 года уже въ Манчжурію по р. Сунгари. Впрочемъ, на этотъ разъ наши зашли недалеко. 5-го іюня они наткнулись на крѣпкую заставу войскъ «хана Богдо» (богдыхана), засѣвшую въ прочномъ укрѣпленіи, состоявшемъ изъ земляныхъ валовъ, усиленныхъ турами. Въ укрѣпленіи стояли пушки, а его гарнизонъ составляли регулярныя войска, вооруженныя ружьями, раздѣленные на «знаменныя роты» и сражавшіяся въ правильномъ строю. Само собою разумѣется, послѣдовала стычка, закончившаяся для нашихъ неудачей: казаки спѣшно отступили, понесивъ затѣмъ это отступленіе израсходованіемъ всѣхъ боевыхъ припасовъ.

По выходѣ изъ Сунгари и при движеніи беченою вверхъ по Амuru, Степановъ повстрѣчалъ по близости отъ устья Зеи сына боярскаго Бекетова съ небольшимъ отрядомъ, но съ достаточнымъ количествомъ боевыхъ запасовъ. Сотникъ Бекетовъ еще въ іюнѣ 1652 года былъ посланъ енисейскимъ воеводою Афанасіемъ Пашковымъ съ сотнею служивыхъ казаковъ въ Забайкалье, занятіе котораго русскими началось въ 1647 году и выразилось постройкою въ томъ году Верхнеангарскаго острога за озеромъ Байкаломъ. Къ 1653 году, по свидѣтельству Словцова, русскіе уже знали эту область прекрасно и располагали казачьей работой «съемками гидрографическими и топографическими» теченія рѣкъ Селенги, Хилка, Ингоды и Шилки. Въ томъ же 1653 году Бекетовъ основалъ острогъ у озера Иргеня, а въ слѣдующемъ году другой острогъ — на Шилкѣ, у впаденія въ нее р. Нерчи. На Амуръ онъ попалъ въ поискахъ продовольствія, котораго въ достаточномъ количествѣ не могъ раздобыть въ окрестностяхъ Нерчинска.

Получивъ отъ Бекетова боевые припасы, снабдивъ его взаимнымъ образомъ въ Забайкалье, Степановъ двинулся къ устью Кумары и здѣсь, на правомъ берегу Амуре, соорудилъ укрѣпленіе, пожалуй самое крѣпкое изъ существовавшихъ въ краѣ ранѣе того. Укрѣпленіе было четырехугольное, сомкнутое, съ широкими и глубокими рвами, съ высокими валами; на валахъ установили прочный палисадъ; по угламъ укрѣпленія поставили четыре, рубленныя изъ бревенъ, башни; передъ палисадомъ устроили искусственное

препятствіе — «железный чеснокъ» (доски съ гвоздями, сверху слегка прикрытыя землею), о который впоследствии «богдыхійскіе люди кололися». Старались на работахъ усердно и не напрасно. Въ мартѣ 1655 года, 13-го числа, подъ Кумарскій острогъ подошло манчжурское войско съ полевой и осадною артилеріею. Численность его опредѣлялась казаками въ 10,000 человекъ. Непрiятель тотчасъ же выставилъ осадныя орудія на извѣстномъ грандіозномъ Кумарскомъ утесѣ, расположенномъ противъ устья Кумары, на лѣвомъ берегу Амура, и сильно командуящемъ падъ правымъ берегомъ съ разстоянія отъ тогдашней крѣпости въ 250 саж.; полевую артилерію установили въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ укрѣпленіемъ, въ 70 саж. отъ валовъ; штабъ осаднаго корпуса расположился въ 350 саж. отъ укрѣпленія. Съ 13-го марта по 4-е апрѣля манчжуры бомбардировали нашихъ днемъ и ночью, при чемъ канонада смолкла на время лишь однажды и на нѣсколько часовъ, именно 24-го марта, когда непрiятель пошелъ на штурмъ. Этотъ штурмъ былъ произведенъ по тому времени образцово: къ самому «чесноку» подкатили арбы съ установленными на нихъ деревянными щитами, обшитыми войлокомъ и кожей; за щитами находились лѣстницы съ крючьями и багры, а также запасы горючаго матеріала — смолы, соломы, дровъ и проч. ¹⁾ Но, не взирая на такую предусмотрительность, штурмъ оказался неудачнымъ, и наши не сдали. Иначе дѣйствовалъ на казаковъ артилерійскій огонь: обнаружился великій упадокъ духа и — какъ всегда поступаетъ простой русскій человекъ въ критическую минуту — казаки обратились къ средству старому, къ посту и молитвѣ, «отчего» многимъ грезилась «видѣнія». Николай ли Чудотворецъ заступился за нашихъ, или были къ тому болѣе естественныя причины, но только 5-го апрѣля непрiятельская артилерія смолкла, а затѣмъ, совершенно неожиданно, вражескій станъ спялся, и манчжуры ушли. Казаки посѣтили становище осаждавшаго, подробно осмотрѣли его, но запечатлѣли на бумагѣ лишь одно поразившее ихъ обстоятельство: обнаружили они, что манчжуры, «по своей поганой бусурманской вѣрѣ», тѣла убитыхъ предавали огню.

Разгадка неожиданности отступленія войскъ богдыхана отъ кумарскаго острога, отступленія, можно сказать, наканунѣ побѣды, кроется повидимому въ высшихъ соображеніяхъ китайской политики.

¹⁾ Источники, къ сожалѣнію, умалчиваютъ, каковыя способы продвигали эти арбы къ «чесноку» черезъ широкіе и глубокіе рвы. Мѣсто расположенія «чеснока» указано за рвами, на валу.

Правителя Китайской имперіи уже давно обращали своей вожделѣнный взоръ на богатый Амурскій край, населенный независимыми даурами, съ которыми подданные богдыхановъ вели небезвыгодную торговлю. Завоеваніе края оружіемъ и обращеніе дауръ во враговъ не входило въ планы дальновидныхъ желтыхъ дипломатовъ; они стремились добиться добровольнаго подданства важноточнаго народа и мирнаго завоеванія ихъ страны. Такому стремленію дали богатѣйшую почву подвиги вольницы Хабарова, а въ особенности Степанова, при которомъ удержаніе казаковъ не было никакого. Съ другой стороны, китайцы не желали входить въ явно враждебныя отношенія и съ Россіей, а при такомъ положеніи оставался одинъ выходъ: сдѣлать Амурскій край для Россіи не интереснымъ, временно обратитъ его въ пустыню. И вотъ принимается рядъ мѣръ къ увѣщанію дауръ переселяться на югъ отъ Амура, и увѣщанія дѣйствуютъ прекрасно. Уже во времена Степанова почти всѣ дауры покинули свои улусы, и Амурскій край опустѣлъ. Одновременно съ этимъ къ сѣвернымъ границамъ новыхъ поселеній дауръ выдвигаются сильныя отряды китайскаго воинства, и по тѣмъ же границамъ строятся обширныя импани — китайскія крѣпости. Этимъ отрядамъ повидимому приказывается унимать чрезмѣрный азартъ нашихъ казаковъ, но не зарываться безъ особо важныхъ причинъ. Быть можетъ, кумарскій острогъ былъ оставленъ нашимъ непрiателемъ именно по такимъ соображеніямъ, ибо важнаго онъ собою ничего не представлялъ, ибо китайцы смѣло могли разсчитывать, что острогъ будетъ покинутъ самими русскими, какъ они покидали и многія другія укрѣпленія, понастроеныя безолаберно, безъ плана и безъ общей мысли. И если впоследствии мы видимъ упорное стремленіе китайцевъ отобрать отъ русскихъ Албазинъ и сравнять его съ лицомъ земли, то этимъ ничуть не опровергаются приведенныя соображенія, скорѣе подтверждаются. Албазинъ, расположенный въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Забайкальемъ, Албазинъ, имѣющій не только гарнизонъ, но и мирное населеніе, городъ, въ окрестностяхъ котораго стала развиваться сельская дѣятельность хлѣбопашца — это уже объектъ крайне важнаго въ глазахъ китайцевъ значенія, это не временное становище разбойниковъ, это база для овладѣнія Амурскимъ краемъ въ цѣляхъ заселенія его русскими выходцами. Политику обращенія дренпей Дауріи въ пустыню и въ страну незаманчивую ни для русской государственности, ни для русской вольницы съ ся хищными атаманами, Китай началъ въ XVII вѣкѣ, особенно настойчиво прово-

диль при императорѣ Кхан-си, современникѣ Петра Великаго, и ея же придерживался весь XVIII вѣкъ. Удаливъ на югъ аборигеновъ страны, Китай запрещалъ приближаться къ Амуру и своимъ собственнымъ гражданамъ, и это запрещеніе не терпало своей силы вплоть до начала XIX столѣтія.

Но возвратимся къ дѣятельности на Амурѣ казаковъ Степанова.

Съ уходомъ манчжурскаго войска изъ подъ Бумарскаго острога, наши привялись за старое ремесло, за грабежь чего и гдѣ можно. Особенно отличилась въ этомъ отношеніи шайка есаула Краснояра, проникшаго на Амуръ во главѣ 300 головорѣзовъ съ Лены и дѣйствовавшаго совершенно независимо отъ Степанова. Но Краснояръ погулялъ не долго: часть его людей погибла въ безпрестанныхъ стычкахъ съ инородцами, часть разбѣжалась невѣдомо куда, прочіе погибли отъ голода. Новоформировавшаяся пустыня давала себя чувствовать.

Между тѣмъ, къ Степанову явился боярскій сынъ Пуцинъ, командированный съ 50-ю казаками изъ Якутска для закрѣпленія русскаго владычества на Аргуни, заложившій острогъ у устья этой рѣки 15-го мая 1655 года, не нашедшій въ обезлюдѣвшей странѣ средствъ для пропитанія и пустившійся внизъ по Амуру искать своихъ. Плохо было съ продовольствіемъ и у самого Степанова, и оставался на берегахъ средняго Амура, въ конецъ опустошенныхъ, не имѣло смысла. Степановъ опять плетъ въ Сунгари, доходить до Нингуты, набираетъ силою оружія богатые запасы провіанта и спускается къ низовьямъ Амура. Тутъ онъ закладываетъ острогъ, даетъ ему прозвище—Косогорскій и зимуетъ въ немъ. Мѣстные жители—гиляки, прослышавшіе о томъ, какъ вели себя казаки на Амурѣ, обазываются уже не тѣми, какими были во времена Пояркова. Бывшіе русскіе подданные относятся къ нашимъ не съ прежнимъ добродушіемъ и доброжелательствомъ, а завѣдомо враждебно. Эта враждебность доходитъ до того, что партія казаковъ въ 30 человекъ, посланная Степановымъ изъ Косогорскаго острога за рыбою, поголовно избивается гиляками. Всю зиму нашимъ приходится жить насторожѣ.

Такъ шли дѣла на Амурѣ. Но объ этомъ плохо знали въ Якутскѣ и не имѣли никакого представленія въ Москвѣ. Въ Москвѣ отсчитывались отъ свѣдѣній, привезенныхъ Хабаровымъ и Зиновьевымъ и по прежнему все собирались закрѣпить «богатый» Амуръ за русскою державою. Съ послѣднею цѣлью изъ столицы отправляли въ Пекинъ, въ качествѣ посланника царя Алексѣя Михайловича,

дворянина Байкова; послали указъ и епископскому посоводѣ Афанасію Пашкову—идти на Амуръ съ ратною силою и принять повый край въ свое вѣдѣніе. Посольство Байкова, въ задачу котораго входило добиться признанія за Россією права на владѣніе Амуромъ, кончилось ничѣмъ: прибывъ въ Пекинъ въ мартѣ 1656 года, Байковъ поотрѣвъ отказался подчиниться наставленіямъ китайской «колегіи церемоній», сославшись на то, что посланъ онъ отъ государя къ государю и колочествовать не можетъ, и былъ высланъ изъ страны, не повидавъ богдыхана. Пашковъ же выступилъ изъ Енисейска съ нѣсколькими (отъ 3 до 6) сотнями служилыхъ казаковъ, держа путь по Ангарѣ, Байкалу, Селенгѣ и Хилку, перейдя волокомъ въ Ингоду и далѣе по Шилкѣ, на которую прибылъ въ 1658 году. Тутъ онъ возобновилъ Нерчинскій острогъ, обосновался въ немъ и выслалъ на Амуръ, искать Степанова, Потапова съ тремя десятками казаковъ.

Но Потаповъ Степанова не нашелъ и найти не могъ.

Вольница Степанова проживала до весны 1657 года на низовьяхъ Амура, опираясь на Косогорскій острогъ. Къ этому времени богатые запасы провіанта, набранные ею въ Манчжуріи, изсякли, и Степановъ рѣшилъ возобновить ихъ тѣмъ же способомъ. Онъ двинулся вверхъ по Амуру на бечавѣ. Въ іюнь этого года наши находились нѣсколько ниже устья Сунгари на бивакѣ. 30-го числа сюда неожиданно подошло 47 манчжурскихъ судовъ, снаряженныхъ по военному образцу и вооруженныхъ пушками. Заключилъ бой и закончился для нашихъ плачевно: казаки потеряли убитыми 270 человекъ, въ ихъ числѣ и самого Степанова, а остальные 227 человекъ разбѣжались въ разные стороны. Единичные люди пробрались въ Якутскъ и въ Забайкалье; большая же часть скиталась долгое время по улусамъ инородцевъ и постепенно собралась въ одну партію, численностью въ 180 человекъ. Эту-то партію и встрѣтилъ на Амурѣ Потаповъ, но радости во встрѣчѣ было мало: казаки «воровствомъ» отобрали у Потапова весь хлѣбъ и боевые припасы и заставили его спѣшно вернуться къ Пашкову. Сами же головорѣзы пошли въ морю, но до моря не дошли: всѣ до послѣдняго были перерѣзаны инородцами. Амуръ временно опустѣлъ¹⁾.

Новое появленіе русскихъ на Амурѣ явилось слѣдствіемъ эпизода, разыгравшагося на романической подкладкѣ. Польскій выходъ,

¹⁾ «Акты историч.», доп. изд., т. IV, стр. 27—31, 80—83, 176—177, 260—262, «Истор. Амура», стр. 68—79; Назаровъ, стр. 39—41; Миддендорфъ, ч. 1, стр. 143 и 147; Слоновъ, стр. 129; Бартоломей, № 9, стр. 6.

децъ на Лепу, цѣкій Никлфоръ Черниговскій, имѣлъ притожую жену, которая приглянулась илимовскому воеводѣ Обухову, не замедлившему сманить красавицу и водворить ее въ своемъ домѣ. Черниговскій вскипѣлъ ревностью, убилъ Обухова, а чтобы уйти отъ законной вѣры, удраля на Амурь, предварительно нахвативъ партію охотниковъ.

Прибывъ на Амурь въ 1665 году, Черниговскій не послѣдовалъ примѣру Хабарова и Степанова; на стягъ его девиза «грабежь» не было. Правда, въ то время осѣдлыхъ даурь на рѣкѣ не нашли, и особо заманчиваго объекта грабежа не существовало. Различныя сибирскія инородческія племена еще бродили въ мѣстахъ своихъ кочевьевъ, а поживиться за ихъ счетъ все же было возможно. Но, не трогая пока что инородцевъ, Черниговскій направился къ пепелищу уничтоженнаго манчжурами Албазина и прежде всего принялся за восстановление крѣпостцы. Такую построили небольшихъ размѣровъ и придали ей видъ прямоугольника 18×13 с.; на фронтѣ ея, обращенномъ къ рѣкѣ, срубили двѣ оборонительныя башни, а на фронтѣ противоположномъ, «нагорномъ», продѣлали въ валу ворота, приспособленныя къ оборонѣ; внутри ограда расположили только погреба для боевыхъ и жизненныхъ припасовъ и ни одного жилого дома; жильемъ заняли пространство внѣ крѣпостцы, подъ горою. Другими словами, Черниговскій взглянулъ на Албазинъ не какъ на постъ исключительно военнаго значенія, а какъ на городъ въ обывательскомъ понятіи этого термина. Крѣпостца являлась лишь цитаделью на случай, чего Боже унаси. Въ соотвѣтствіе съ такимъ взглядомъ на свою резиденцію, Черниговскій не замедлилъ развить въ окрестностяхъ Албазина земледѣліе и огородничество, и этотъ его починъ пошелъ въ ходъ на славу. Благодаря притоку мирныхъ переселенцевъ изъ Якутской области и Забайкалья, земледѣльческія поселки все приумножались и приумножались, и къ 1685 году у Албазина числилось 40 усадебъ съ запашкою свыше тысячи десятинъ земли. Одновременно съ такими заботами, Черниговскій предпринималъ и экспедиціи вглубь страны, въ районы кочевьевъ инородцевъ, но экспедиціи вполне разумныя, имѣвшія цѣлью подчинить кочевниковъ русской власти. Уже съ 1670 года всѣ тунгусы сѣверной полосы нынѣшней Амурской области исправно платили въ Албазинъ наложенный на нихъ ясакъ и этимъ ни мало не тяготились. И если къ тому же времени относятся извѣстія о жалобахъ манчжуръ сибирскому начальству на новыя грабительскія выходы нашихъ казаковъ на Амурь, то врядъ-

ли правильно придавать этимъ жалобамъ вѣру по существу. Жалобы скорѣе покоились на совершенно иной почвѣ—на опасеніи прочнаго занятія края русскими, къ чему нарождались всѣ признаки.

Устроившись въ Албазинѣ и наладивъ отношенія съ инородцами; Черниговскій сталъ думать о личной амнистіи. Опъ отправилъ богатый ясакъ въ Нерчинскъ, гдѣ *личной* злобы на него не было, какъ въ воеводствѣ якутскомъ—мѣстности совершенія имъ преступленія; послалъ обильный ясакъ и въ Москву. Посланные просили покровительства албазинцамъ и помилованія пославшему ихъ. Челобитчиковъ приняли ласково, самому Черниговскому было объявлено прощеніе стараго грѣха. Приамурье названо отдѣльнымъ албазинскимъ воеводствомъ, и первымъ воеводою назначили на Амурь Алексѣя Толбузина.

Еще до прибытія на мѣсто новаго воеводы, въ Албазинѣ былъ направленъ изъ Нерчинска особый правительственный приказчикъ, а вслѣдъ за нимъ іеромонахъ Гермогенъ, заложившій у крѣпостцы Спасевъ монастырь. Началось систематическое мирное завоеваніе края. Земледѣльческія поселки стали появляться уже не только въ окрестностяхъ Албазина, а чуть ли не по всему Амuru до Зси. Чтобы оградить эти поселки отъ набѣговъ на нихъ манчжуръ, устроили остроги: въ 1677 г.—Верхозейскій, въ 1679 г.—Селимбаевскій и Дондонскій. Курьезно то обстоятельство, что, дѣлая такія распоряженія, нерчинское воеводство принимало Зею за «тылъ Албазина». Въ 1681 году построили острогъ Аргунскій, а въ слѣдующемъ году къ албазинскому воеводству причислили острогъ Дукачскій, расположенный за тридевять земель отъ Албазина и сооруженный около того времени на Амгуни якутскими вольными казаками.

Когда вѣсти о событіяхъ на Амурѣ дошли до правительства богдыхана, въ Пекинѣ заволновались. Да и было отчего. Вѣсти эти вкорень противорѣчили тонкой политикѣ Китая, медлить болѣе не приходилось, какъ не являлось отвѣчающимъ обстановкѣ и продолженіе принятого было рѣшенія—вытѣснить русскихъ съ Амурса мудрыми мѣрами безъ примѣненія силы оружія. Слѣдовало подыскать лишь благовидный предлогъ къ ультиматуму, и такой вскорѣ нашлся.

Еще въ 1667 году, къ нерчинскому воеводѣ Ларіону Толбузину прибылъ «подъ великихъ государей царскую самодержавную высокую руку» тунгусскій князь Гантимуръ съ дѣтьми, братьями и

съ 40 человекъми улусныхъ людей. Гантимуръ почему-то считался подданнымъ богдыхана, а пекинское правительство не замедлило направить къ Толбузину китайскую грамоту съ требованіемъ выдачи перебѣжчика. Толбузинъ грамоту эту отпразднать въ Москву; но тамъ никто не могъ ее прочесть, и грамота пошла обратно въ Пекинъ, съ просьбою перевести текстъ на латинскій языкъ. Повезъ грамоту въ 1675 году московскій посланникъ—грекъ Николай Спафарій, котораго снабдили и дѣннымъ по тому времени подаркомъ для богдыхана—«шестью яречетами добрыми» изъ царской соколиной охоты.

Посольство Спафарія—нѣчто туманное и по меньшей мѣрѣ загадочное. Имѣются свѣдѣнія, какъ будто и неправдоподобныя, что мандарины сами пошли на встрѣчу улаженія инцидента, ими же самими возбужденнаго. Пекинскіе министры предложили-де Спафарію компромисъ: заявить, что Гантимуръ былъ давнишнимъ подданнымъ русскаго царя, что онъ откочевалъ за нашъ рубежъ лишь временно и нынѣ вернулся обратно—и тогда дѣло уладится. Но Спафарій яко бы наотрѣвъ отказался отъ такого предложенія и уѣхалъ ни съ чѣмъ. Мало того: прибывъ въ Нерчинскъ, онъ настойчиво-де требовалъ, чтобы албазинцамъ запретили брать ясакъ съ амурскихъ и зейскихъ инородцевъ, и грозилъ въ противномъ случаѣ нашествіемъ манчжуръ. Академикъ Миддендорфъ, по церемонясь, называетъ Спафарія прямо извѣнникомъ; но на сколько онъ правъ—судить весьма трудно. Какъ бы то ни было, посольство Спафарія закончилось круглымъ нулемъ.

Не получивъ удовлетворенія по дѣлу Гантимура, китайское правительство воспользовалось этимъ, какъ вполне благовиднымъ предлогомъ для серьезной военной экспедиціи, цѣль которой была вполне опредѣлена: выжать русскихъ изъ Пріамурья и обратить въ развалины ихъ главную точку опоры—Албазинъ. Къ экспедиціи этой стали готовиться дѣятельно и не безъ военной предусмотрительности. Прежде всего приступили къ созданію на Амурѣ оперативной базы и таковую начали устраивать по близости отъ древняго Айгуна. Обращая этотъ пунктъ въ крѣпость, сюда стали подвозить войска, боевые и продовольственные запасы, сосредоточивать транспортныя судовыя средства. Устройство крѣпости и подготовительныя къ походу операціи были закончены къ 1684 году. Еще за годъ передъ тѣмъ, посланнаго изъ Албазина съ 67-ю казаками урядника Мыльника, направленнаго на Амгунъ на смѣну гарнизона въ Лукачскомъ острогѣ, подъ Айгуномъ окружило до

300 манчжурскихъ судовъ; Мыльникъ и часть его партіи попали въ плѣнъ; остальные разбѣжались. Затѣмъ, въ 1684 году въ Албазинъ прибыли отъ богдыхана Кхан-си чиновники, съ двумя русскими плѣнниками въ качествѣ переводчиковъ, и предъявили ультиматумъ: выдать Гантимура и возвратитъ Китаю Албазинъ. Эти же чиновники предупреждали нашихъ, что за ними идетъ могучее войско поддержать законныя ихъ требованія. Албазинцы требованіе отвергли и всей громадой поклялись защищаться до послѣдней капли крови. Принявъ же такое рѣшеніе, энергично приступили къ усилению своей крѣпостцы, къ устройству внутри нея временныхъ жилищъ и складовъ, къ подвозу въ послѣдніе значительныхъ запасовъ продовольствія. Одновременно съ этимъ погнали гошцовъ въ Нерчинскъ, въ Енисейскъ и даже въ Тобольскъ съ просьбою о помощи. Но огромная разстоянія и малочисленность нашей ратной силы въ Сибири не позволили помочь албазинцамъ существенно. Помощь угрожаемому пункту своевременно выразилась только свѣшпой присылкой на мѣсто давно назначеннаго въ Албазинъ воеводы—Алексея Толбузина.

Тѣмъ временемъ, у Албазина начали появляться бѣглецы изъ нашихъ острожковъ и пашенныхъ поселковъ, лежавшихъ ниже по Амuru. Они сообщали, что манчжурское войско медленно движется на западъ, все забирая и уничтожая по пути. Часть этихъ бѣглецовъ, повидимому, весьма незначительная, задержалась въ Албазинѣ; остальные ушли въ Забайкалье. 4-го іюня 1685 года передовые непріятельскіе отряды отбили у нашихъ табунъ лошадей уже неподалеку отъ Албазина, и этотъ эпизодъ послужилъ сигналомъ къ принятію послѣднихъ мобилизационныхъ мѣръ: сожгли все зданія внѣ цитадели, и гарнизонъ, численностью въ 450 человекъ при 3-хъ пушкахъ и 300 мушкетахъ, заперся въ послѣдней.

Главныя силы врага подошли къ Албазину 12-го іюня. Численность опредѣляется различными источниками отъ 10 до 15 тысячъ. Непріятель привезъ съ собою 150 (125) полевыхъ и 50 (45) «проломныхъ» (осадныхъ) орудій; послѣдніе палили ядрами вѣсомъ въ 20 фунтовъ. Осадный корпусъ прибылъ частью по сухопутью, частью на судахъ по рѣкѣ; водою же доставили всевозможныя осадныя средства. Расположивъ кругомъ всей крѣпостцы свою, могущественную по тому времени, артилерію, манчжуры открыли бомбардировку. Тучи снарядовъ непрерывно летѣли въ цитадель, и не много времени потребовалось для причиненія значительныхъ потерь и поврежденій. Уже въ первые дни осады у нашихъ вышло

изъ строя свыше 100 человекъ убитыми; деревянныя башни и палисады оказались частью разрушенными, частью сожженными; внутри цитадели пожаромъ спалило большинство временныхъ помѣщеній; духъ гарнизона, покаявшагося было защищаться до послѣдней крайности, значительно понизился; скудные запасы пороха и свинца были на исходѣ. Съ каждымъ днемъ дѣла шли все хуже и хуже, и надежда на отраженіе штурма, съ которымъ врагъ не торопился и который подготавливалъ методически, становилась все болѣе слабою. А тутъ къ Толбузину явилась депутация, во главѣ съ «чернымъ попомъ» — иеромонахомъ Гермогеномъ, и стала умолять воеводу вступить съ непріятелемъ въ переговоры. Толбузинъ позволилъ себя уговорить, а манчжуры не оказались требовательными: они немедленно согласились на пропускъ всего гарнизона въ Забайкалье и фактически пропустили нашихъ сквозь свои ряды, не применивъ, однако, дачиста ограбить выходцевъ. На пути наши повстрѣчали заоздалое подкрѣпленіе изъ Нерчинска, но сила таковаго далеко не была достаточной для сколько-нибудь разумной попытки еще разъ помѣриться съ врагомъ.

Манчжуры издали слѣдовали за албазинцами до границъ Забайкалья. Оттуда они повернули обратно, сравняли Албазинъ съ лицомъ земли и, слѣдуя своей политикѣ обращенія (Пріамурья въ пустыню, не замедлили уйти вглубь Манчжуріи.

Но тутъ мудрая политика кеицскаго правительства временно потерпѣла фіаско. Еще по вѣсти объ угрозѣ Албазину въ 1685 г., тобольское воеводство рѣшило подкрѣпить нашихъ амурскихъ пионеровъ поддержкою существенною и приказало готовиться къ походу цѣлому шестисотенному казачьему полку, состоявшему въ то время подъ командою «плѣннаго ямца» полковника Афанасія фонъ-Бейтона. Бейтонъ изготовилъ свой полкъ къ выступленію относительно быстро, тронулся въ путь, не задерживаясь, но въ Нерчинскъ все же пришелъ уже послѣ сдачи Албазина. Съ приходомъ полка Бейтона, нерчинскій воевода Власовъ почелъ благовременнымъ провѣдать о творящемся на Амурѣ, послалъ туда партію въ 70 развѣдчиковъ и, получивъ свѣдѣнія, что манчжуры ушли въ Айгунь, не озаботившись даже уничтоженіемъ подл. Албазиномъ вырѣзавшаго на поляхъ хлѣба, направилъ въ разрушенную крѣпостцу самого Бейтона съ двумя сотнями его полка съ цѣлью возобновить укрѣпленія.

Бейтонъ быстро опѣнилъ обстановку и обстоятельства предшествовавшей осады. Онъ увидѣлъ, что слабая сторона обороны за-

ключалась въ злоупотребленіи деревомъ какъ въ оборонительныхъ, такъ и въ необоронительныхъ постройкахъ и рѣшилъ вовсе не пользоваться этимъ горючимъ матеріаломъ, не обезпеченнымъ соответствующею толщею земляной обсыпки. Крѣпостная ограда, въ планѣ четырехугольнаго начертанія, была имъ создана исключительно изъ глины и оплакирована дерномъ; валамъ придали толщину въ 4 саж. и высоту въ 3 саж.; помѣщенія для жительства гарнизона и для запасовъ устроили въ видѣ значительно углубленныхъ землянокъ.

Къ восстановленной крѣпостцѣ потянулись вскорѣ почти всѣ старые албазинцы, а за ними прибылъ туда и албазинскій воевода Толбузинъ, привезшій артилерію: 5 мѣдныхъ и 3 чугунныхъ пушки. Зимой питались хлѣбомъ, не уничтоженнымъ манчжурами, а весной, при первой возможности, засѣяли поля вновь. Хлѣбъ уродился рано, пожать его удалось своевременно, и получились новые богатые запасы для гарнизона, численность коего къ этому времени возрасла до 736 человекъ.

Между тѣмъ, непосредственно по открытіи навигаціи, Толбузинъ направилъ Бейтона съ небольшимъ отрядомъ къ мѣсту старо-кумарскаго острога и поручилъ ему слѣдить за манчжурами. Манчжуры же, вѣроятно освѣдомившіеся о возвращеніи на Амуръ русскихъ, уже начали беспокоиться и, въ свою очередь, выслали вверхъ по рѣкѣ нѣсколько развѣдочныхъ партій. Бейтонъ имѣлъ съ ними рядъ стычекъ, болѣе или менѣе удачныхъ, но принужденъ былъ отступить подл. давленіемъ все возрастающей силы врага. Когда онъ возвращался въ Албазинъ, за его спиною слѣдовали передовыя части новаго осаднаго корпуса, а въ началѣ Іюля 1686 года къ крѣпости подошли 3 тысячи непріятельской конницы да на 150 судахъ подплыло до 4½ тысячъ пѣхоты при 40 осадныхъ орудіяхъ. Началась достопамятная доблестная оборона Албазина, могущая разсматриваться, по геройству гарнизона и по длительности сопротивленія, какъ предтеча обороны севастопольской: албазинцы держались на сей разъ *одинадцать* мѣсяцевъ, не сдались и по истеченіи этого срока.

Въ дѣйствіяхъ осаждающаго вновь проявилась замѣчательная методичность. Есть много показаній, что операціями осаднаго корпуса руководили патеры-мисіонеры іезуитскаго ордена, а профессоръ А. М. Позднеевъ утверждаетъ категорически: «мы можемъ смѣло говорить, что мы лишились тогда Албазина, благодаря ревностнымъ услугамъ іезуитовъ». Сказанная методичность прежде

всего выразилась въ томъ, что осаждающій повелъ на крѣпостцу правильную ижсперную атаку, приближаясь къ оградѣ подступами и паралелями, а, приблизившись къ крѣпостнымъ валамъ на близкую дистанцію, прикрылся деревянною стѣною, которая, однако, пользы принесла ему не много: отважный гарнизонъ частью разрушилъ эту стѣну артилерійскимъ огнемъ, частью поджегъ ее калеными ядрами, частью взорвалъ пинардами при вылазкахъ. Тогда манчжуры обнесли крѣпостцу высокимъ землянымъ валомъ по всемъ правиламъ устройства контръ-валаціонной линіи, и установили на этомъ валѣ всѣ свои орудія. Началась жестокая канонада, не причинившая, однако, оборонѣ, прибѣгнувшей къ тактикѣ кротовъ, того ущерба который наблюдался при первомъ Албазинѣ. Канонада не умолкала недѣли, и въ концѣ августа врагъ воображилъ, что крѣпостца подготовлена къ штурму вполне. На приступъ непріятель ринулся 1-го сентября, но напрасно; атака была блестяще отбита по всемъ фронтамъ, и манчжуры спѣшно укрылись за свои валы.

Въ сентябрѣ шальное ядро уложило на мѣстѣ Толбузина, и комендантомъ русскаго опорнаго пункта остался нѣмецъ да еще и плѣнный. Но оборона отъ этого не пострадала; скорѣе выиграла. Не въ примѣръ Толбузину, склонившемуся за годъ до того на уговоры о капитуляціи, Бейтонъ до конца осады съ твердостью отклонялъ малѣйшія попытки того же характера, какъ и попытки самаго врага задобрить коменданта. На стрѣлахъ посылали манчжуры въ крѣпостцу письма съ предложеніями прислать обороняющимся своихъ лекарей и медикаменты, прислать и кой что изъ продовольствія. Бейтонъ отвѣчалъ, что лекарей ему не пужно, а въ доказательство обилія въ укрѣпленіи припасовъ послалъ въ подарокъ непріятельскому вождю пироги вѣсомъ въ цѣльмъ пудъ.

Тѣмъ не менѣе, и лекари, и медикаменты, и продовольствіе были въ Албазинѣ необходимы. Уже съ осени, съ наступленіемъ холодовъ, люди, ютившіеся въ сырыхъ землянкахъ, начали страдать цынгой, и болѣзнь прогрессировала безудержно. Припасовъ становилось все меньше и меньше. Къ концу осады изъ 736 защитниковъ осталось въ живыхъ лишь 66 да и тѣ были сплошь скорбунные. Но манчжуры, испытавшіе неимоверную отвагу русскихъ и сильно поплачившіеся при штурмѣ 1-го сентября, видно твердо рѣшили взять Албазинъ изморомъ, ограничившись одною блокадою. Въ Маѣ 1687 года подоженіе албазинцевъ было прямо отчаяннымъ. Крѣпостцу обороняли живыми тѣни горсти храбрецовъ, да

сильный и гордый духъ фанатически честнаго нѣмца, самоотверженно служившаго высшей идеѣ браннаго дѣла. И вотъ, чуть ли не въ самый критическій моментъ, манчжуры вдругъ отступили отъ крѣпостцы на 4 версты, а затѣмъ погрузили на суда все свое имущество и поплыли внизъ по Амуру. Албазинъ, сопротивлявшийся 11 мѣсяцевъ, освободился отъ врага, и крестнымъ знаменемъ осыпавши себя доблестные инвалиды славной обороны.

Отступление манчжуръ объясняется просто: Москва рѣшила покончить съ амурскимъ вопросомъ путемъ дипломатическимъ и снарядила посольство окольниковата Головина; съ вѣстью о такомъ рѣшеніи, еще въ началѣ 1686 года, поскакали въ Пекинъ подъячіе Вивюковъ и Фролевъ, а за ними голецъ Логиновъ; мандарины согласились войти съ русскими правительствомъ въ переговоры и не замедлили дать знать подъ Албазинъ о прекращеніи непріязненныхъ дѣйствій.

Съ высокодоблестной, удивительной обороной Албазина имя Бейтона связано неразрывно. Пельзя не привести такихъ, откровенно правдивыхъ словъ С. Максимова: «Не прельщаясь никакими предложеніями манчжуровъ, Бейтонъ умѣлъ, хорошо укрѣпившись, крѣпко и упорно держаться безъ продовольствія, безъ всякой надежды на подкрѣпленіе. Только Нерчинскій трактатъ 1689 года могъ заставить его выйдти изъ укрѣпленій. Имя Бейтона во всякомъ случаѣ исторически честно»¹⁾.

Съ полученіемъ въ Москвѣ извѣстія о готовности пекинскаго правительства вступить въ переговоры по поводу разграниченія русскихъ и витайскихъ владѣній, на далекую окраину было отправлено посольство, во главѣ котораго находился намѣстникъ брянскій, ближній овольничій Федоръ Алексѣевичъ Головинъ. Съ нимъ же послали намѣстника елатомскаго, стольника Ивана Остафьевича Власова да дьячка Семена Корницкаго и дали ему въ конвой пятисотенный стрѣлцкій полкъ Федора Скрипицына. Этотъ конвой на пути возросъ до трехъ полковъ—одного стрѣлцкаго и двухъ шестисотенныхъ драгунскихъ, при чемъ одинъ драгунскій полкъ былъ взятъ Головинымъ изъ Тобольска, а другой набранъ въ Енисейскѣ, Илимскѣ и другихъ мѣстахъ.

1) «Акты Истор.», т. IV, стр. 454—456, 540, т. V, стр. 188—185, 284, 285—286; «Дополн. Акты Истор.» т. XII, стр. 108—112; Словцовъ, стр. 201, 202, 218—225; Мидлендорфъ, т. I, стр. 146, 148; С. Максимовъ, стр. 17—21; «Истор. Амура», стр. 80—91, 93—96; А. М. Позднеевъ (Сборн. Воен.-Уч. Ком., т. XXVII), стр. 235—Е. И. Максимовъ «Амурскій край». (Прилож. № 2 къ т. II. Зап. Ак. Наукъ) стр. 78.

Къ началу 1688 года, Головинъ уже былъ въ Забайкальѣ, именно въ Селенгинскѣ, гдѣ ожидался съѣздъ уполномоченныхъ. Но прежде, чѣмъ вступать въ дипломатическія сношенія, нашъ посолъ былъ вынужденъ направить значительную часть своего конвоя для выполнения операций военнаго характера.

Почти одновременно съ прибытіемъ Головина въ Забайкалье, въ этотъ край вошелъ монгольскій ханъ Очарой во главѣ двадцатитысячнаго войска и съ явно враждебными намѣреніями. Повидимому онъ дѣйствовалъ вполне самостоятельно и безъ какой либо поддержки со стороны Китая; это подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что у Очароя не было ни одной пушки. Успѣха монголы не имѣли. Они осадили прежде всего Удинскій острогъ, гдѣ находились двѣ сотни казаковъ и сотня стрѣльцовъ,—штурмовали его, но были отбиты съ большими потерями. А тутъ подошелъ отрядъ изъ конвоя Головина, самъ атаковалъ нестройныя толпы вооруженныхъ дикарей и принудилъ ихъ обратиться за рубежъ. Къ концу марта въ Забайкальѣ все стало спокойно.

Около того же времени получена была вѣсть, что китайскіе послы придутъ не въ Селенгинскъ, а въ Нерчинскъ; прибыли же они туда только 21-го іюля 1689 года; но все же раньше Головина, подошедшаго къ мѣсту свиданія 10-го августа. Во главѣ китайскаго посольства находились «премудрѣйшіе вельможи богдойскіе» Самгута, Дагумке-Камъ и Иламта, а сопровождало посольство пять отрядовъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, общою численностью до 10,000 человекъ, при чемъ три конныхъ отряда подошли сухимъ путемъ, а два пѣшихъ и артилерія были доставлены на 100 судахъ водою. Переговоры, какъ и слѣдовало ожидать, начались запросами съ обѣихъ сторонъ. Головинъ требовалъ установить границу по Амуру, а китайцы домогались получить не только всю Даурію съ Албазиномъ, но и Нерчинскъ и Селенгинскъ. Далѣе китайцы пошли на уступку, отказавшись отъ Селенгинска и Нерчинска, но Головинъ, поблагодаривъ, «что дозволяютъ ему ночлегъ у себя», стоялъ на своемъ. Много путали при этомъ два іезуита—переводчики со стороны китайцевъ—и, чутъ ли не благодаря ихъ проискамъ, уполномоченные пекинскаго правительства перешли отъ переговоровъ къ ультиматуму, угрожая военною силою. Ихъ отряды—дѣйствительно начали производить подъ Нерчинскомъ маневры, а тутъ Головинъ получилъ еще извѣстіе, что 2,700 забайкальскихъ бурятъ, незадолго передъ тѣмъ присягнувшихъ Россіи, перебрались на сторону Китая. Головинъ и съ своей стороны пошелъ на уступки.

Академикъ Миддендорфъ утверждаетъ, что ближій окольный просто струсилъ, что онъ располагалъ отрядомъ, достаточно сильнымъ для отпора вооруженнымъ силамъ Китая, что наша амурская вольница была много храбрѣе, и что результаты переговоровъ могли быть много болѣе выгодными для Россіи, не прояви Головинъ малодушія. Въ одномъ изъ современныхъ Головину документовъ также находимъ фразу: «окольныйчій, какъ примѣтно, оробѣлъ». Но врядъ ли такой суровый приговоръ справедливъ. Во первыхъ, есть данныя къ тому, что угроза китайцевъ не была шуточною и не являлась только дипломатическимъ приемомъ: китайскіе источники совершенно опредѣленно говорятъ о полномочіи, данномъ посламъ богдыханомъ—подкрѣпить свои настоящія оружіемъ въ случаѣ необходимости и, разумѣется, пользуясь подходящею обстановкою. Во вторыхъ, храбрость не есть панацея въ дѣлахъ дипломатіи. Вообразимъ на минуту, что Головинъ остался непреклоннымъ, презрѣлъ угрозу китайцевъ, вступилъ съ ними въ бой и даже разбилъ ихъ наголову. Какой могъ получиться отъ того результатъ? Отвѣтъ ясенъ: переговоры кончились бы круглымъ нулемъ; Китай обратился бы въ заклятаго врага Россіи; военныя силы его въ то время были столь значительны, а наши сибирскія такъ малочисленны, что отстаивать силою оружія поселенія на Амурѣ намъ было бы прямо невозможно; затѣявъ войну большого масштаба на Амурѣ и сосредоточивъ тамъ большія силы, Китай врядъ ли остановился бы на границахъ Забайкалья; мы могли бы потерять въ долготу дней и то, что считали безспорно своимъ до Нерчинскаго трактата. Такія же соображенія заставляютъ серьезно задуматься надъ тѣмъ, руководила ли Головинымъ робость или государственная мудрость? Услугу же отечеству онъ, вольно или невольно, но оказалъ несомнѣнно, и эта услуга выразилась въ той неопредѣленности многихъ пунктовъ Нерчинскаго трактата, которые всегда могли быть оспариваемы и которые впоследствии привели къ мирному приобщенію всего Приамурья и даже Уссурийскаго края къ русскимъ владѣніямъ.

Нерчинскій договоръ былъ заключенъ 27-го августа 1689 года. Пунктъ первый этого договора, о которомъ рѣчь будетъ впереди, считаю необходимымъ привести дословно по тексту «Перваго полнаго собранія законовъ». Онъ гласилъ:

«Рѣка, именемъ Горбица, которая впадаетъ, идучи внизъ, въ рѣку Пилуку съ лѣвой стороны, бывая рѣки Черной, рубежъ между обоими государствы пооставитъ; такжежъ отъ вершины той рѣки каменными горами, которыя начиняются отъ той вершины рѣки и по самимъ тѣмъ

горь вершинамъ, даже до моря протяженнымъ, обонихъ государствъ державу тако раздѣлить, яко всѣмъ рѣкамъ малымъ и великимъ, которыя съ полудневныя стороны съ(с)ихъ горь падаютъ въ рѣку Амуръ, быти подъ владѣніемъ Хинскаго государства, такожде всѣмъ рѣкамъ, которыя съ другія стороны тѣхъ горь идутъ, тѣмъ быти подъ державою Царскаго Величества Россійскаго государства; прочія жъ рѣки, которыя лежать въ срединѣ межъ рѣкою Удью подъ Россійскаго государства владѣніемъ и межъ ограниченными горами, которыя содержатся близъ Амура владѣнія Хинскаго государства и впадаютъ въ море, и волки земли посреди сущія межъ тою вышеомянутою рѣкою Удью и межъ горами, которыя до границы подлежатъ, неограниченны нынѣ да пребываютъ, понеже на оныя земли заграниченіе великіе и полномочные послы, неимѣюще увазу Царскаго Величества, отлагають неограниченны до иного благополучнаго времени, въ которомъ при возвращеніи съ обѣихъ сторонъ послы Царское Величество извѣститъ и Богдыханово Высочество похочетъ о томъ обослаться послы или посланники любительскими пересылки, и тогда или черезъ грамоты, или черезъ послы тѣхъ назначенныя неограниченныя земли покойными и пристойными случая успоконити и разграничить могутъ».

Второй пунктъ устанавливалъ границу на западъ по рѣкѣ Аргуню—«яко всѣмъ землямъ, которыя суть стороны лѣвыя, идучи тою рѣкою до самыхъ вершинъ, подъ владѣніемъ Хинскаго хана да содержатся, правая сторона такожде всѣ земли да содержатся въ сторонѣ Царскаго Величества Россійскаго государства»...

Третій пунктъ обязывалъ русскихъ разорить до основанія Албазинъ.

По четвертому пункту опредѣлялось, что перебѣжниковъ съ обѣихъ сторонъ, передавшихся одной изъ договаривающихся державъ до заключенія пастоящаго трактата, слѣдуетъ оставить въ покоѣ, а новыхъ немедленно высылать на родину.

По пятому пункту разрѣшалось охочимъ людямъ обѣихъ сторонъ производить торговлю, при условіи снабженія ихъ паспортами.

Шестой пунктъ рекомендовалъ старыя ссоры пограничныхъ жителей забыть, а вновь явленныхъ за рубежомъ чужеземныхъ разбойниковъ высылать въ ихъ отечество, чтобы «чинить имъ жестокою казнь», не начиная изъ за этого войны и кровопролитія.

Договоръ заканчивался такъ:

«Противу сихъ поставленныхъ о границѣ посольскими договоры статей, если похочетъ Богдыханово Высочество поставить отъ себя при границахъ для памяти какіе признаки и подписать на нихъ сіи статьи, и то отдаемъ мы на волю Богдыханова Высочества».

При подписаніи договора китайскіе уполномоченные поклялись, что Албазина они укрѣплять не будутъ¹⁾.

¹⁾ «Первое Пекн. Собр. Зап. Россійск. Импер.», № 1346; «Акты Истор.», т. V, стр. 234—235; Словцовъ, стр. 220—231, 234—239; «Исторія Амура», стр. 97—101; Невельской, стр. 16; Маддендорфъ, ч. 1, стр. 145.

Внимательно вчитываясь въ условія Нерчинскаго трактата, нельзя не придти прежде всего къ убѣжденію, что обѣ договаривавшіяся стороны были далеко не сильны въ географіи. Такъ, къ югу отъ Амура пограничною рѣкой была признана Аргунь «до самыхъ вершинъ», чѣмъ какъ бы устанавливались права Россіи на значительную часть Монголіи, а это врядъ ли входило въ виды китайскіхъ уполномоченныхъ. Дѣйствительно: какъ ни понимать выраженіе «до самыхъ вершинъ»—т. е. идетъ ли рѣчь объ истокахъ рѣки или о какомъ нибудь горномъ хребтѣ—все равно приходится считаться съ Большимъ Хинганомъ, откуда вытекаетъ Аргунь, носившая и носящая въ верховьяхъ своихъ китайское названіе Хайларъ. Объ ошибочности временно существовавшего у насъ понятія, будто Аргунь истекаетъ изъ озера Далай-Норъ, мнѣ уже приходилось писать, и повторяться я не буду. Лѣвый же берегъ Хайлара, признанный трактатомъ владѣніемъ Россіи—Монголія. Что же касается границы къ сѣверу отъ Амура, то тутъ на лицо рядъ недоразумѣній. Объ этихъ недоразумѣніяхъ впервые громко заговорилъ еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка знаменитый въ исторіи Амура Генадій Ивановичъ Невельской, и сужденія, до извѣстной степени положенныя въ основу дальнѣйшихъ строкъ, врядъ ли страдаютъ натяжкой.

По трактату, къ сѣверу отъ Амура наша съ Китаемъ граница шла по рѣкѣ Горбицѣ, а отъ ея верховьевъ «каменными горами» до моря, причемъ районы по рѣкамъ, *падающимъ въ Амуръ* и берущимъ начало съ южныхъ склоновъ «каменныхъ горъ», являлись собственностью Китая, а районы по рѣкамъ, берущимъ начало съ другой стороны тѣхъ же горъ и впадающимъ неизвѣстно куда, съ одной стороны, были признаны владѣніемъ Россіи, съ другой—землями еще не разграниченными. Только районъ рѣки Уди признанъ безусловно русскимъ.

Прежде всего не слѣдуетъ забывать, что подъ Амуромъ китайцы всегда разумѣли часть этой рѣки отъ Усть-Стрѣлки до устья Сунгари. Да и теперь китайцы упорно утверждаютъ, что не Сунгари впадаетъ въ Амуръ, а Амуръ въ Сунгари, и это убѣжденно доказывалъ одному изъ моихъ пріятелей генералъ китайской службы Джю-мянъ при свиданіи въ Мукденѣ въ 1901 году. Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, когда рѣчь шла объ *устьяхъ* Амура, въ громадномъ большинствѣ нашихъ дипломатическихъ нотъ китайскому правительству, послѣ Амура въ скобкахъ писалось Сунгари. Значить, говоря о районахъ рѣкъ, впадающихъ въ Амуръ съ

лѣвой стороны, китайцы время Нерчинскаго трактата имѣли въ виду лишь районы верховыхъ притоковъ Амура и системъ Зеи и Буреи. Другими словами, безспорнымъ владѣніемъ Китая къ сѣверу отъ Амура являлась по трактату только древняя Даурія съ сѣвровою границею по Становому хребту.

Какъ же была установлена *принципально* дальнѣйшая граница? «Каменными горами» до моря—съ одной стороны, до р. Уди—съ другой. Уже одно ограниченіе рубежа по Становому хребту верховьями Уди указываетъ категорически, что о границѣ по Становому же хребту далѣе истоковъ Уди и рѣчи быть не могло. Продолженіе «каменныхъ горъ» до моря слѣдуетъ искать въ другомъ или въ другихъ хребтахъ, и будетъ самымъ правильнымъ остановиться на водораздѣлахъ Зеи и Уди (хребетъ Джугджуръ), Селемджи и Амгуни (хребетъ Ямалинь), Буреи и Амгуни (хребты Буринскій, Ванда и Лагарь-Ауль). Невельской утверждалъ, а затѣмъ утвержденіе свое подкрѣпилъ частью изысканіями на мѣстѣ, частью заявленіями манчжурскихъ купцовъ, посѣщавшихъ въ его времена устья Амура, что общее направленіе горъ отъ верховьевъ Уди, по которымъ подлежало пролегать границѣ, идетъ сначала по водораздѣламъ Буреи и Зеи—съ одной стороны, и Уди, Тугура, Амгуни и Горина—съ другой, далѣе черезъ Амуръ и Сунгари въ 160 верстахъ отъ устья послѣдней и еще далѣе по водораздѣлу между Сунгари и Уссури до Японскаго моря. Тогда ясно, что уѣзды Хабаровскій, Удскій и весь Уссурійскій край *принципально* принадлежали намъ еще по Нерчинскому трактату, хотя точнаго разграниченія въ тѣхъ краяхъ своевременно сдѣлано не было. Такое соображеніе и то обстоятельство, что китайцы никогда не упустили его изъ вида, краснорѣчивѣе всего подтверждается тѣмъ, что всѣ племена, проживавшія къ востоку и сѣверу отъ указаннаго направленія, никогда не зависѣли отъ Китая и ясака ему не платили, и что Китай, въ качествѣ сюзерена, въ предѣлы южныхъ уѣздовъ пынѣшней Приморской области, со времени Нерчинскаго трактата, не вторглся.

Какой же источникъ имѣли въ серединѣ прошлаго вѣка тѣ соображенія петербургскихъ дипломатическихъ сферъ въ вопросѣ о занятіи нами устья Амура, кои выражались большими и постоянными опасеніями нарушить сюзеренныя права Китая и въ концѣ испортить наши съ нимъ отношенія, кои сопровождались рядомъ распоряженій, тормозившихъ начинающійся активнаго пріумножителя русскихъ владѣній на востокѣ—Г. И. Невельскаго и кои чуть не

закончились разжалованіемъ истиннаго патриота въ рядовые? Оставляя подробности этого деликатнаго вопроса пока открытыми, тутъ же скажу, что первоисточникомъ такой политики, внѣ зависимости отъ вѣдомственныхъ самолюбіи, явилось, съ одной стороны, незаномство тогдашнихъ дипломатовъ школы графа Нессельроде съ географіей дальняго востока и упорное пожеланіе ихъ изучить Нерчинскій трактатъ въ корнѣ его существа, а съ другой—туманъ, наведенный на вопросъ знаменитымъ путешественникомъ, академикомъ Миддендорфомъ.

По Нерчинскому трактату, какъ было сказано, Китаю предоставлялось право поставить на русско-китайской границѣ «для памяти какіе признаки и подписать на нихъ статьи». И вотъ, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія Миддендорфъ отрываетъ цѣлый рядъ пограничныхъ знаковъ—на крайшемъ востокѣ много южнѣе Становаго хребта, но сѣвернѣе Амура, а западнѣе у подножія того же хребта. По поводу находки такихъ знаковъ на крайнемъ востокѣ, знаменитый путешественникъ даже восклицаетъ: «Представьте же мое удивленіе, когда я... нашелъ цѣлый рядъ китайскихъ пограничныхъ знаковъ на южномъ склонѣ, далеко на югъ отъ гребня Кореннаго хребта, стало быть, по тогдашнимъ понятіямъ, въ глубинѣ китайскихъ владѣній!»

Это принимали къ свѣдѣнію, о сомнительности «глубины китайскихъ владѣній» и вопроса не поднимали, найденные пограничные знаки признали какъ бы законными и принципально, по крайней мѣрѣ въ своемъ собственномъ сознаніи, подарили Китаю русскія земли. Хорошо еще, что объ этомъ подаркѣ не уведомили Китая категорически, а писали иносказательно, давая лишь поводъ пекинскому трибуналу внѣшнихъ сношеній оспаривать притязанія на обладаніе Россіей Приморскимъ краемъ, притязанія со стороны генералъ-губернатора Восточной Сибири, генерала Муравьева, упорно сражавшагося на два фронта: на Пекинъ и на Петербургъ.

Между тѣмъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, что разъ *пограничные* знаки действительно стояли тамъ, гдѣ ихъ видѣлъ Миддендорфъ, то они стояли незаконно, попробуемъ разобраться въ другомъ вопросѣ: действительно ли сказанные знаки были *пограничные*? На западѣ Примурья, на траверсѣ средняго теченія Зеи, Миддендорфъ не только видѣлъ знаки, но самолично прочелъ на одномъ изъ нихъ надпись, означавшую существо и значеніе знака. По отношенію же къ прочимъ знакамъ онъ говоритъ,

что надписей на нихъ не видѣлъ, но что какія то надписи прежде имѣлись и тутъ, о чемъ рассказывали ему туземцы. Это ужъ источникъ крайне сомнительный и во всякомъ случаѣ не могущій быть отнесеннымъ къ разряду аргументовъ, на которыхъ можно обосновывать такое сугубо-важное заключеніе, какъ заключеніе о мѣстѣ государственной границы. Если же принять во вниманіе свидѣтельство Невельского и его сподвижниковъ, что на крайнемъ востокѣ Приамурья ими была обнаружена масса пирамидъ изъ камней, эшелонированныхъ съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ, означавшихъ мѣста стоябищъ инородцевъ, куда таковые собирались для торга, и что эти пирамиды, по всѣмъ даннымъ, и были тѣми знаками, о которыхъ говоритъ Миддендорфъ,—то самое свидѣтельство этого достойнаго мужа теряетъ все свое значеніе и не проливаетъ на вопросъ никакого свѣта.

Не смотря на многія неясности и неточности, вкрапіяся въ текстъ трактата 1689 года, главнымъ образомъ, въ отношеніи пограничной линіи къ востоку отъ Усть-Стрѣлки, наша дипломатія стародавнихъ временъ не только не стремилась къ пересмотру договора во всей его совокупности, но явно уклонялась отъ такого пересмотра въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій. Только въ концѣ первой четверти XVIII столѣтія рѣшились принять нѣкоторыя мѣры къ приданію большей точности пограничной линіи, но и то лишь на крайнемъ западѣ. Въ январѣ 1724 года на китайскую границу у Забайкалья «для разводу въ спорѣ граничномъ» былъ направленъ русскій «агентъ» Лангъ съ секретаремъ Глазуновымъ; ихъ сопровождалъ воинскій отрядъ подполковника Бухольца, состоявшій изъ тысячи человекъ пѣхоты и тысячи всадниковъ. Въ концѣ того же года къ Лангу прибыли отъ богдыхана два полномочныхъ министра и объявили, что «ханъ ихъ повелѣлъ имъ обнадежить, что онъ весьма памѣренъ вѣчною между обоими государствами миръ и дружбу содержать, и все, до шнѣ происшедшіе на границахъ, непорядки прекратить и усюковать»; тѣ же послы возбуждали вопросъ и объ уточненіи границъ. Лангъ донесъ объ этомъ въ сенатъ, а сенатъ далъ ему знать, что для переговоровъ съ послами богдыхана отправляется на мѣсто русскій полномочный министръ Савва Владиславовичъ Рагузинскій графъ Иллирійскій. Рагузинскому дана была инструкція придерживаться постановленій Нерчинскаго трактата и не идти далѣе уточненія границъ именно на крайнемъ западѣ пограничной линіи.

Рагузинскій прибылъ на мѣсто, на рѣку Буру, протекающую въ 8 верстахъ южнѣе Кяхты, только въ концѣ лѣта 1727 года и 20-го августа того года заключилъ съ китайскимъ уполномоченнымъ Цирень-Валомъ особый договоръ, по которому установили точную границу у Кяхты и отъ послѣдней до Аргуни, при чемъ граница эта была обозначена на мѣстности «пограничными маяками», установленными совмѣстно нашимъ комиссаромъ Иваномъ Глазуновымъ и верховнымъ стольникомъ Срединной имперіи Хубиту. Что же касается до настоянй китайскихъ пословъ разрѣшить одновременно и вопросъ о разграниченіи русскихъ и китайскихъ владѣній на востокѣ вообще и въ районѣ верховьевъ р. Уди въ частности, то Рагузинскій упорно отклонялъ этотъ вопросъ, ссылаясь на отсутствіе соответственныхъ для того полномочій; самый же вопросъ по прежнему остался открытымъ на неопредѣленное время.

Такая политика безспорно должна быть отнесена къ разряду дальновидныхъ и разумно осторожныхъ. Съ крайнимъ востокомъ нашъ центръ былъ знакомъ плохо, и наши интересы того времени нисколько не вызвали необходимости въ постановкѣ точки на вопросъ, могущій усложниться въ будущемъ, въ постановкѣ точки, отъ нейтрности которой могли бы пострадать насущные интересы грядущихъ поколѣній. Русская дипломатія разумно останавливалась только на требованіяхъ минуты, а такіа требованія притягивали ся взоры лишь на Кяхту, гдѣ зарождались русскіе торговые интересы, которымъ наше правительство отводило должное вниманіе уже со времени Нерчинскаго трактата.

Еще въ «наказныхъ статьяхъ» нерчинскимъ воеводамъ, данныхъ въ 1696 году, указывалось на полную необходимость точнаго соблюденія договора съ Китаемъ и повелѣвалось относиться къ подданнымъ богдыхана «съ большимъ береженіемъ и осторожностью», дабы избѣжать «трудностей» для нашихъ торговыхъ людей. Стремленіе развить и поставить на твердую почву нарождающуюся русскую торговлю съ Китаемъ доходило до проявленія такихъ заботъ, которыя смѣло могутъ быть отнесены къ области ближайшаго руководства правительства дѣятельностью пионеровъ. Такъ, въ 1698 году повелѣвалось «караваны въ Китай пропускать не по вся годы сряду», при чемъ повелѣніе это полспало тѣмъ, что «ловсягодными посылками русскимъ товаромъ въ Китай будетъ умноженіе и въ цѣнахъ дешевизна большая», а отъ этого нашимъ купцамъ «будутъ убытки великіе». Приказаніе «съ китайцы

поступать пріятельски и съ своей стороны никакой причины къ ссорѣ имъ не придавать» было подтверждено и Императоромъ Петромъ Великимъ въ 1724 году, и такія мѣры не замедлили увѣнчаться вождѣнными результатами: торговыя сношенія крѣпли, и уже при Елизаветѣ Петровнѣ 100 семей торговыхъ людей поселилось въ самой Кяхтѣ ¹⁾. Кяхтинскую торговлю всячески берегли и позднѣе; берегли пожалуй даже съ излишнюю заботливостью и въ ущербъ другимъ, не менѣе важнымъ интересамъ государства. Именно эта заботливость явилась основною причиною нерѣшительности русскаго правительства въ отношеніи предъявленія его законныхъ правъ на часть Амура, нерѣшительности, красною чертою прошедшей черезъ всю исторію этой рѣки отъ Нерчинскаго до Пекипскаго трактатовъ. И это не смотря на то, что значеніе для Россіи рѣки Амура все возрастало и возрастало.

Для выясненія послѣдняго обстоятельства придется временно разстаться съ Амуромъ и обратиться къ краткому изложенію событій, совершавшихся на сѣверномъ побережьѣ и въ районѣ сѣверныхъ водъ Тихаго океана, приходится коснуться попутно и исторіи извѣстной «Россійско-Американской Компаніи». Исторія послѣдней въ особенности важна при моей темѣ и потому, что въ дѣлѣ занятія нами устьевъ Амура и Сахалина компанія эта сыграла, если и не положительную, то во всякомъ случаѣ значительную роль.

Г. Шимченко-Рубанъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ I Пол. Собр. Зак. №№ 1542, 1654, 4429, 4746, 5143, 5180, 5236, 8883, 9206; Невельской, стр. 16, 139, 143, 144, 152, 162; Словоцовъ, стр. 288; Миддендорфъ, ч. I, стр. 166.